

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

О.В. Морозов

**«ГРУБЕЙШАЯ БРАНЬ»,
ИЛИ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ РЕЦЕНЗИИ
НА ИСТОРИИ КАЗАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Препринт WP6/2018/01

Серия WP6

Гуманитарные исследования

Москва
2018

УДК378(09)
ББК 74.58
М80

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И. М. Савельева

М80 **Морозов, Олег Владимирович.**

«Грубейшая брань», или отрицательные рецензии на истории Казанского университета в Российской империи [Текст] : препринт WP6/2018/01 / О. В. Морозов ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — (Серия WP6 «Гуманитарные исследования»). — 20 с. — 106 экз.

Цель статьи — показать, как отрицательная рецензия, написанная вследствие личных разногласий между коллегами, может информировать читателя об интересующем его труде и способствовать приумножению научного знания. Для этого я анализирую рецензии на первые две истории Императорского Казанского университета и выявляю в этих рецензиях критерии, на основе которых рецензенты пришли к заключению, что каждая из историй является в научном плане несостоятельной. В конце статьи я прихожу к выводу, что в обоих случаях критики отнеслись к недостаткам в трудах своих коллег гораздо внимательнее, чем те, кто написал исключительно позитивные отзывы. Оценивая каждую из историй Казанского университета, рецензенты легко переходили на личности, прибегая к «грубейшей брани», однако это не мешало им подтверждать свои суровые вердикты научными доводами. Тем самым они подчеркивали в каждой истории слабые места, требовавшие обстоятельного анализа.

УДК 378(09)
ББК 74.58

Ключевые слова: рецензия, Казанский университет, Российская империя

Морозов Олег Владимирович — кандидат исторических наук, преподаватель Школы исторических наук факультета гуманитарных наук, старший научный сотрудник ИГИТИ имени А.В. Поletaева; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Морозов О. В., 2018
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2018

Постановка проблемы

Отсутствие конструктивной критики в российских гуманитарных рецензиях¹ не только затрудняет развитие институтов академической экспертизы, но и препятствует плодотворному обсуждению того, с какими проблемами сталкиваются авторы рецензий и их читатели. Одна из проблем — неизбежная субъективность рецензента, из-за которой бывает трудно отличить любительское мнение от профессионального. В России этот вопрос пока остается без рефлексии: здесь большинство рецензий сводится к текстам реферативного и комплиментарного характера, состоящим, соответственно, либо из пустого пересказа чужих мыслей, либо из славящих комплиментов знакомому коллеге.

В тех же рецензиях, где выявляются не только достоинства, но и недостатки научного труда, непредвзятость рецензента становится для читателя вопросом номер один. Да, любой текст обречен быть субъективным, ведь он есть не что иное, как продукт индивидуального творчества. Тем не менее в случае с рецензией речь идет не только о тексте, но и о способе оценивания научной продукции, посредством которого создается репутация ученого. Поскольку рецензия не формализована до такой степени, как, скажем, *peer review* или отзыв оппонента на квалификационную работу, ее читатель должен знать, в какой степени он может доверять написанному и где тот алгоритм, следуя которому он проверит справедливость вынесенного рецензентом вердикта².

В этой статье я предлагаю взглянуть на проблему субъективности рецензии с другого ракурса. Может ли отрицательная рецензия³ на чей-то труд, написанная вследствие личных разногласий между коллегами, то есть носящая заведомо пристрастный характер и поэтому не заслуживающая доверия, быть информативной для читателя? Я утверждаю, что

¹ Под рецензией я понимаю только опубликованный отзыв, в котором выявляются достоинства и недостатки научного исследования — монографии, статьи или сборника. Анонимное оценивание рукописи в периодике перед принятием ее к печати (*peer review*) и отзыв оппонента на квалификационную работу мною рассматриваться не будут.

² Проблема субъективности рецензии неоднократно поднималась в западных исследованиях [Riley, 1970; Hoge, 1979; Furnham, 1986; Sabosik, 1988; Lindholm-Romantschuk, 1998].

³ Специально оговариваюсь, что под отрицательной рецензией я понимаю отзыв, где выявляются главным образом недостатки научного труда и делается вывод, что этот труд несостоятелен.

такая рецензия может не только сообщить нам актуальные сведения о публикации, но и способствовать развитию научного знания, причем намного интенсивнее, чем реферативные и комплиментарные отзывы. Чтобы обосновать это утверждение, я проанализирую отрицательные рецензии на первые две истории Императорского Казанского университета и выясню, опиралась ли критика рецензентов на рациональные доводы, и если да, то что могут сказать нам эти доводы о профессиональном качестве обоих изданий. В первой части статьи я рассмотрю рецензии на сочинение Н.Н. Булича (1824—1895), ставшее первым опытом историописания Казанского университета, а во второй — реакцию на 4-томный труд Н.П. Загоскина (1851—1912), приуроченный к 100-летию университета, празднование которого планировалось на 1904 г., но в последний момент было отменено. Я начну каждую часть с анализа происхождения издания и только потом перейду к рецензиям.

Первая история Казанского университета Н.Н. Булича

В Новое время история европейских и российских университетов изучалась главным образом благодаря юбилеям — годовщинам основания высших учебных заведений. За несколько лет до наступления круглой даты государственные или университетские чиновники поручали историкам выпустить объемный и богат иллюстрированный труд о прошлом альма-матер, где бы подчеркивались ее достижения и незаменимая роль для города, региона или страны. Чаще всего это была многотомная история учебного заведения и биографический словарь профессоров. Само собой, подобная работа предполагала щедрые гонорары и привилегии, всякий раз подталкивавшие историков отложить насущные дела и как можно скорее взяться за исполнение начальственных прихотей.

Стоит ли вообще считать юбилейные истории университетов частью науки? Зависит от мерила научности, непрерывно менявшегося из века в век. В XIX и начале XX в. российские историки, читая юбилейные издания, не сомневались, что перед ними — научные сочинения. В своих рецензиях они оценивали их по тем же критериям, что и любой другой академический труд. Во внимание принимались подборка источников, корректность приводимых в книге цитат, фактологическая точность при изложении событий и многое другое.

В этой связи стоит обратить внимание на тот факт, что первая история Казанского университета не имела отношения к юбилею и писалась не по заказу чиновников, а по инициативе автора, причем не историка, а филолога. Я имею в виду сочинение Н.Н. Булича, сперва выходявшее отрывками в «Ученых записках Императорского Казанского университета» (далее — «Ученые записки») под заглавием «Казанский университет в Александровскую эпоху» [Булич, 1875; 1880; 1886; 1890; 1891]. Позже отрывки были объединены в одно произведение «Из первых лет Казанского университета (1805—1819): Рассказы по архивным документам» (далее — «Рассказы»), опубликованное в двух частях, в 1887 и 1891 гг. соответственно [Булич, 1887—1891]. К 100-летию юбилею университета обе части были переизданы [Шишкин, 2003, с. 24—26].

Н.Н. Булич занимал должность профессора русской словесности. Шесть лет он работал деканом историко-филологического факультета. В 1882 г. был избран ректором Казанского университета [Архангельский, 1904, с. 45—47]. Современники отмечали его умение держать аудиторию «в напряженном внимании» [Овсянников, 1899, с. 686], благодаря чему его считали самым популярным преподавателем в университете, лекции которого приходили слушать учащиеся с разных факультетов. Либеральные взгляды Булича вкупе с талантом рассказчика принесли ему уважение не только студентов, но и прогрессивно настроенных коллег. Увы, в 1860 г. за эти же самые взгляды он был уволен по требованию Министерства народного просвещения — «вследствие подозрений в вредном направлении его чтений» [Архангельский, 1904, с. 45]. Вместе с ним выгнали несколько студентов, слишком горячо поддерживавших его аплодисментами во время лекций, что в разгар «великих реформ» было категорически запрещено во избежание студенческих беспорядков, которых очень боялось правительство Александра II⁴. Лишившись должности, Булич перебрался в Петербург, но через два года благодаря поддержке коллег вернулся в университет и продолжил преподавать.

История Казанского университета была для Булича неотъемлемой частью истории родного края, которой он очень увлекался. Частый заведующий университетского архива, он получал удовольствие от работы

⁴ Случай 1860 г. стоил Буличу не только профессорской должности, но и репутации. Во время дисциплинарного слушания он заявил, что не давал повода студентам для аплодисментов. Студенты назвали Булича предателем, а по Казани начали ходить песни, высмеивавшие его трусость [Сидорова, 2015, с. 51—53].

с документами и любил коллекционировать воспоминания университетских питомцев. К Буличу обращались издатели, краеведы, библиофилы, кому нужны были сведения по истории и культуре Казани. Так он познакомился с литературным критиком и педагогом М.Ф. Де-Пуле (1822–1885), работавшим в первой половине 1870-х гг. над очерком о поэте И.А. Второве (1772–1844) и его сыне, живших одно время в Казани [Де-Пуле, 1875]. Для завершения очерка Де-Пуле нужна была помощь Булича. Между ними завязалась переписка, благодаря которой и появились на свет «Рассказы». «...Должен Вам сказать, — признавался Булич Де-Пуле, — что Вы именно, ваши вызывающие письма, ваше одобрение увлекли меня в сторону и побудили к труду, о котором я только мечтал. Стараясь иногда доставить верные справки в том или другом случае, я обращался к университетскому архиву, который... заключает в себе большие сокровища и мало разработан» [Сидорова, 2011, с. 34].

Впрочем, в основу «Рассказов» легли прежде всего не архивные⁵, а эго-документы, а также личный опыт самого автора: «В моей истории, — признавался Булич, — нет вовсе официального характера; стараюсь писать как возможно проще, не брезгуя ничем и даже собственными воспоминаниями». Работа над книгой поглотила его с головой: «Представьте себе рыболова на берегу речки, вытаскивающего со страстным трепетом, из мутного омута рыбку за рыбкой; <...> Вы имеете полное основание сказать, что я увлекаюсь; я согласен с Вами. Много жизни я растерял на разные увлечения, но, признаюсь, не жалею о том». «Рассказы» писались медленно. Помимо учебной нагрузки, отнимавшей массу времени, на пути периодически появлялись дополнительные трудности — от непутевого редактора, который, «увлекшись молодой и красивой невестой, совершенно забросил дело», до внезапного паралича старого архивариуса А.С. Добромыслова — единственного, кто «мог указать дорогу в безобразном архивном хаосе...» [Сидорова, 2011, с. 34–35]. Наконец, в 1887 г. первая часть «Рассказов» была опубликована, а через четыре года вышла в свет и вторая. Обе части охватывали историю Казанского университета только за первую четверть XIX в.

⁵ Архивные исследования привели Булича к удивительной находке. В 1875 г. старый университетский архивариус А.С. Добромыслов показал ему документы по истории университета времен Александра I, спрятанные на одном из старых чердаков [Вишленкова, 2014, с. 355–356].

В целом академическая среда встретила «Рассказы» положительно. Философ Э.Л. Радлов (1854–1928), автор небольшого отзыва в «Журнале Министерства народного просвещения», назвал первую часть «в высшей степени любопытной книгой», заметив даже, что Булич поскромничал, когда озаглавил свой труд «Рассказы». По мнению Радлова, рассказы эти были связаны общей мыслью и составляли «одно целое» [Радлов, 1887, с. 411–412]. Достоинства первой части отметил и выпускник Казанского университета А.Н. Пыпин (1833–1904), будущий академик Петербургской Академии наук: «Настоящая книга есть одна из любопытнейших, какие только есть в нашей литературе по истории наших университетов. Собственно говоря, другой такой книги и совсем нет». Поскольку, – писал Пыпин, – истории университетов появлялись в России только по случаю юбилеев, многие аспекты социальной и культурной жизни высшей школы «изглаживались под пером официальных историков». У Булича же, отмечал рецензент, получилась «работа частная, внушенная автору тем историческим интересом, какой представляет судьба высшего учебного учреждения в далекой восточной окраине европейской России». Пыпин резюмировал: «Если бы мы имели и для других университетов истории, написанные по такому же плану, это был бы поистине драгоценный вклад в историю нашего образования и науки» [Пыпин, 1887, с. 729–730]. В 1905 г., когда Булича уже не было в живых, «Исторический вестник» опубликовал позитивный отклик на второе издание «Рассказов» [Беге, 1905].

На фоне комплиментарных отзывов сильный резонанс вызвал текст профессора Н.А. Фирсова (1831–1896) «Несколько слов по поводу нескольких слов в сочинении проф. Н.Н. Булича», опубликованный в 1890 г. в «Ученых записках». Хотя текст этот был откликом не на книгу, а на одну из статей Булича, его все равно необходимо рассмотреть, поскольку в 1891 г. он лег в основу второй части «Рассказов». Слова Фирсова показали Буличу до того обидными, что через пару лет в автобиографии он назвал их «грубейшей бранью» [Булич, 1889–1904, с. 132]. Впрочем, написать «Несколько слов...» Фирсова тоже вынудила обида: Булич в статье неодобрительно отозвался о его работе «Студенческие истории в Казанском университете 1855–1863 гг.» (далее – «Студенческие истории...») [Фирсов, 1889], заявив, что она «состоит в выборке из архивных дел, имеющей скорее анекдотический, чем исторический характер». Фирсов посчитал эти слова оскорблением, ответив, что «желал представить

вниманию читателей летопись студенческих историй, составленных на основании официальных источников» [Фирсов, 1890, с. 216–217].

«Несколько слов...» – интересный пример отрицательной рецензии, автор которой одновременно стремится восстановить раненое самолюбие и дать сдачи обидчику. Во-первых, недоумевает Фирсов, Булич «неизвестно... для какой надобности» заявил, что «ему глубоко дорог умственный успех» России: «Как будто бы, – пишет он, – кто-нибудь высказывал сомнение в таком сочувствии г. Булича <...>, или как будто бы для других этот успех не имеет значения» [Фирсов, 1890, с. 215]. Во-вторых, продолжает Фирсов, в отличие от него, Булич не потрудились сообщить читателям, о чем они узнают из его труда, а ограничился вместо этого «условным выражением своего желания уяснить себе препятствия умственному успеху страны» [Фирсов, 1890, с. 216]. В-третьих, настаивает Фирсов, в его собственной статье приводятся только «одни достоверные факты без всяких украшений более или менее благонамеренными или либеральными размышлениями о разных высоких материях и личными взглядами на описанные явления» [Фирсов, 1890, с. 217].

Не будем разбираться, насколько справедлив Фирсов в оценках собственной статьи. Куда важнее другое. Несмотря на то что перед нами явно пристрастный текст, написанный в целях самозащиты, в нем отчетливо проводится водораздел между научным и ненаучным сочинением. С точки зрения Фирсова, первый отличается от второго тем, что должен сразу информировать читателя, о чем ему предстоит узнать; состоять из фактов, почерпнутых из «официальных источников»; не содержать личных размышлений на общие темы. Я не берусь здесь судить, насколько эти критерии соответствуют нынешним или прежним представлениям ученых о науке, но хочу подчеркнуть, что критика рецензента в данном случае не ограничивается «грубейшей бранью», а опирается на конкретные доводы, которые, впрочем, все равно нуждаются в проверке.

Есть мнение, что подлинным автором работы «Студенческие истории в Казанском университете 1855–1863 гг.» был не Н.А. Фирсов, а его сын Н.Н. Фирсов (1864–1934), который мог приложить руку и к написанию «Нескольких слов...» [Шишкин, 2003, с. 25]. Казанский историк М.М. Сидорова вообще указывает в одной из своих статей, что автором «Студенческих историй...» и «Нескольких слов...» был Фирсов-младший, никак при этом не объясняя, почему оба текста вышли от имени его отца [Сидорова, 2011, с. 35–36]. Зачем Н.Н. Фирсову публиковать статью

о «студенческих историях»⁶ под другим именем, скрывая свою причастность к критике Булича (разумеется, если такая причастность действительно была)? Эти вопросы, увы, пока остаются без ответа, однако если предположить, что у Н.Н. Фирсова и впрямь был личный мотив недолюбливать Булича, было бы легче понять происхождение еще одной рецензии, опубликованной на этот раз точно им.

В 1892 г. в «Известиях Общества этнологии, истории и этнографии» появилась рецензия на вторую часть «Рассказов» за подписью «Н. Н. Ф.» (Н.Н. Фирсов). В начале автор заявляет, что взялся написать отклик на книгу Булича потому, что она так и не получила «надлежащей оценки». «...В виду этого, — пишет Фирсов, — мы и остановимся на 2-м томе настолько подробно, чтобы у читателя не осталось сомнения насчет истинных достоинств “рассказов” о Казанском университете» [Н. Н. Ф., 1892, с. 349]. Вспомним, что в первом случае повод для рецензии был личный, чего рецензент и не скрывал. Было ли на душе у Н.Н. Фирсова что-то личное, когда он писал рецензию в 1892 г., увы, неизвестно. Остановимся на этом тексте, чтобы проанализировать аргументацию и стиль автора.

Главное, на что обращает внимание Фирсов, — неразборчивое отношение Булича к архивному материалу. Мало того что профессорская жизнь в «Рассказах» описывается «на основании официальных “донесений” более или менее пикантного свойства», так еще и нравы студенчества воспроизведены по дневнику университетского инспектора К.И. Броннера (1758—1850)⁷ — «мутного источника, в котором скорее отразилась физиономия автора дневника», чем нравы казанских студентов [Н. Н. Ф., 1892, с. 349]. Отсюда, по мнению Фирсова, и огульный вывод Булича о безнравственности студентов — вывод, который «ложен в самом своем основании», потому что, согласно воспоминаниям других современников, первые питомцы Казанского университета представляли собой «в общем свежий и хороший народ, увлекавшийся не

⁶ «Студенческими историями» или «университетскими историями» в Российской империи называли забастовки студентов и правонарушения с участием молодых людей, которые чаще всего заканчивались столкновениями с полицией.

⁷ К.И. Броннер родился в Швейцарии. В 1810 г. получил должность ординарного профессора теоретической и опытной физики в Казанском университете. В 1812—1817 гг. работал первым директором педагогического института при университете, а в 1814—1817 гг. — инспектором казенных студентов. Пробыв в Казани семь лет, он уехал обратно в Швейцарию. Дневник, который он вел во время работы в университете, содержит много важных деталей о повседневной жизни студентов.

только кутежами, но и литературой и искусством». Фирсов продолжает: «Занятый усиленно фактами одного порядка, исключительно скандального свойства, г. Булич и в своих-то бумагах не замечает того, что дало бы ему возможность изобразить старинное студенчество и вообще состояние университета в первые годы не в один цвет, как окрашиваются самые плохие лубочные картины, а во столько, сколько того потребовала бы жизненная правда» [Н. Н. Ф., 1892, с. 350].

Что стоит за этими словами — желание свести личные счеты или обида за казанское студенчество? В данном случае это не так важно, а вот на чем действительно стоит сфокусироваться, так это на невнимательном, по мнению Фирсова, обращении Булича с источниками. Булич и не скрывал, что опирался на материал избирательно и часто увлекался. Не сыграло ли это увлечение с ним злую шутку? Каждому опытному исследователю не раз приходилось встречаться с текстами, в которых делаются категоричные и поспешные выводы, потому что авторы этих текстов, имеющие дело сразу с большим массивом источников, слепо доверяют мнениям современников, забывая сопоставить эти мнения с другими. Каждый такой случай требует вдумчивого анализа, но беда в том, что ни в одной хвалебной рецензии работа Булича с источниками обстоятельно не рассматривается; Фирсов — единственный, кто обращает на это внимание. Таким образом, отодвигая в сторону его обличительную риторику, мы выходим на еще один критерий оценки научного сочинения.

Рецензию завершает строгий вердикт: «Приведенных данных, нам кажется, вполне достаточно для заключения, что книга г. Булича не может претендовать на серьезное значение исторического исследования, так как в ней нет ни надлежащего исторического метода, ни логической мысли. Нельзя ее оценивать и как художественно нарисованную бытовую картину...» [Н. Н. Ф., 1892, с. 353]. Резкость Фирсова показалась неуместной петербургскому историку Н.Д. Чечулину (1863—1927) — еще одному рецензенту «Рассказов», который, не найдя в них ни одного недостатка, посчитал нужным защитить Булича: «Нам кажется, что г. Н. Н. Ф. напрасно отозвался неодобрительно о книге г. Булича <...> И мы не сомневаемся, что почтенному историку первых лет Казанского университета будут искреннее благодарны все интересующиеся историей русского просвещения, а тем более те, кто имеет отношение к Казанскому университету и истинно любит его» [Чечулин, 1893, с. 252—253].

Сделаем пару предварительных выводов. Во-первых, даже в пристрастной рецензии за экспрессивной риторикой можно разглядеть критерии оценивания научного труда, необходимые рецензенту, если он хочет доказать, что анализируемый им труд не является научным. Во-вторых, отзыв Н.Н. Фирсова на вторую часть «Рассказов» показал, что тенденциозный рецензент может относиться к тексту внимательнее остальных и указать на слабости, ускользающие от более благосклонных критиков, например, на некорректную работу автора с источниками.

Юбилейная история Н.П. Загоскина

Несмотря на два отрицательных отзыва со стороны Фирсовых, большинство казанских коллег убеждало Булича продолжить работу над историей университета, но в 1895 г. он скончался, оставив свое любимое дело незавершенным. В том же году в Совет Казанского университета (далее – Совет) обратился профессор истории русского права Н.П. Загоскин с предложением подготовить и издать несколько исторических сочинений, приуроченных к приближавшемуся 100-летию университета: юбилейную историю, библиографический словарь профессоров и сборник трудов казанских ученых. Проект юбилейной истории Загоскина предусматривал, что за текст будет отвечать один человек, обладавший доступом во все необходимые архивы. С этим был категорически не согласен профессор истории Д.А. Корсаков (1843–1919), представивший Совету альтернативный проект, согласно которому история университета должна была создаваться усилиями всех факультетов и кафедр.

Проекты Загоскина и Корсакова уже не раз анализировались историками, поэтому я не вижу смысла останавливаться на них в этой статье [Вишленкова, 2004, с. 134–136; Морозов, 2016]. Правда, для полноты картины нужно упомянуть, что симпатии Совета оказались на стороне Загоскина, чьи идеи сочли более простыми и менее затратными. Весной 1897 г. Загоскина назначили историографом Казанского университета с годовым вознаграждением в 1200 руб.⁸ Благодаря его регулярным от-

⁸ Ровно столько же в 1903 г. в Казани получал ординарный профессор историко-филологического факультета за учебную нагрузку. Для ординарного профессора начала XX в. сумма в 1200 руб. не была такой уж высокой: его годовой оклад мог достигать и 3000 руб.

четам перед Советом мы без труда можем сегодня проследить, как продвигалась работа над юбилейной историей.

Загоскин начал с изучения опубликованных источников – периодических изданий («Казанских известий», «Казанских ведомостей», «Губернских ведомостей» и др.) и Полного собрания законов Российской империи. С октября 1897 г. он занялся систематизацией архивных дел. Прежде всего его интересовали послужные списки профессорско-преподавательского состава и дела по истории Совета [Протоколы, 1898, с. 32]. Для дополнительного удобства Загоскину выделили отдельный кабинет, где он хранил выпуски «Ученых записок», пособия, отчеты и книги по истории университета. С 1898 г. этот кабинет открылся для всех желающих [Протоколы, 1898, с. 32–33].

Загоскин работал с источниками по карточной системе. Приходилось вычитывать по очереди каждое дело. Все важные сведения выписывались на отдельные карточки, которые затем нумеровались, сортировались по годам и складывались в картонные папки. Тщательная работа с документами помогала навести порядок в архиве и даже обнаружить утраченные рукописи. Например, в 1898 г. в архиве канцелярии попечителя Казанского учебного округа был случайно найден забытый всеми труд Н.И. Лобачевского (1792–1856) «Геометрия», который автор безуспешно пытался опубликовать за казенный счет еще в 1823 г., обратившись за этим к попечителю М.Л. Магницкому (1778–1844). Подобные находки, сетовал Загоскин, были результатом плохой организации архива.

Постепенно становилось ясно, что при такой скрупулезной работе охватить историю Казанского университета за все сто лет не получится. К тому же в апреле 1898 г. Загоскину предстояла командировка в столицу для работы в архиве Министерства народного просвещения. Ближе к 1903 г. Загоскин окончательно понял, что не успеет подготовить юбилейную историю в полном объеме [Протоколы, 1903, с. 23–24]. Пришлось пересмотреть содержание и количество томов. Если сперва в 4-томном издании планировалось осветить все сто лет существования Казанского университета, то в итоге снова пришлось довольствоваться первой четвертью XIX в. Первый том «Истории Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования» (далее – «История») вышел в 1902 г., а последний только в 1906-м, то есть уже после 100-летнего юбилея [Загоскин, 1902–1906]. Продолжения так и не последовало.

Отклики на «Историю» Загоскина были в основном благожелательными. В 1905 г. развернутую рецензию опубликовал А.А. Кизеветтер (1866–1933), очень довольный новинкой: «Прекрасно изданные, снабженные многими портретами и рисунками, эти тома уже одной внешностью невольно привлекают внимание читателя. Приятной внешности соответствует и полное увлекательного интереса содержание» [Кизеветтер, 1905, с. 138]. В том же году вышли рецензии в «Мире Божьем», «Вестнике Европы» и «Журнале Министерства народного просвещения». Последняя принадлежала В.Ф. Залескому (1861–1922). Именно на ней я и предлагаю остановиться.

Залеский родился в Казани в семье потомственных дворян. В 1880–1885 гг. учился на физико-математическом факультете Казанского университета. В 1890-е гг. занимался политэкономией и юриспруденцией. В студенческий период он поначалу придерживался либеральных убеждений, но потом отказался от них, став рьяным консерватором и антисемитом, что, впрочем, не мешало ему первое время водить дружбу с Загоскиным. Однако после начала революции в 1905 г. Залеский стал одним из лидеров казанского черносотенного движения, а Загоскин вступил в Академический союз, где собралась либеральная профессура. Пути друзей разошлись. Вслед за политическими разногласиями возникла профессиональная вражда. По воспоминаниям старшей дочери Загоскина Ольги, Залеский с помощью Министерства народного просвещения за спиной у Загоскина получил должность в Казанском университете на кафедре «Энциклопедия права». Более того, когда после очередного введения в России университетской автономии Загоскина в 1906 г. избрали ректором Казанского университета, Залеский написал на него донос в Петербург: новый ректор принимает в университет евреев сверх установленной законом квоты и неблагонадежных молодых людей. Когда в 1909 г. полномочия Загоскина подошли к концу, его вновь избрали ректором, но Министерство народного просвещения из-за доноса кандидатуры не утвердило [Загоскина, 2002, с. 10–13].

Рецензия Залеского на первые три тома «Истории» вышла в декабре 1905 г., еще до избрания Загоскина ректором, впрочем, отношения между бывшими друзьями уже тогда оставляли желать лучшего. В отличие от автора «Нескольких слов...», Залеский не уточняет, двигали ли им личные мотивы во время работы над рецензией, которая завершается неутешительным выводом: «Работу г. Загоскина правильнее было бы

назвать не “историей” Казанского университета, а “сборником материалов для истории Казанского университета”, причем лица, пользующиеся ими, должны иметь в виду, что материалы эти страдают неполнотою и нуждаются в строгой проверке для устранения и исправления неверных выводов, ошибок и пропусков». Чем же обосновывает Залеский свой приговор?

С одной стороны, в рецензии можно найти несколько общих умозаключений вроде такого: «...оказывается, что г. Загоскин писал историю университета, имея предвзятое, в корне своем ошибочное, представление об указанной важнейшей функции университетского организма (организации преподавания. — *О. М.*) и не потрудился проверить свои предвзятые идеи фактическими данными, в изобилии разбросанными по тем самым архивным делам, которые не раз держал он в своих руках» [Залеский, 1905, с. 423–424]. С другой стороны, Залеский очень внимателен к деталям. Например, не соглашаясь с Загоскиным в том, что факультеты в Казанском университете появились только после его «полного открытия» в 1814 г.,⁹ рецензент последовательно аргументирует свою точку зрения, подкрепляя ее ссылками на литературу и архивные источники. Надо сказать, Залеский вообще часто цитирует в своем отзыве архивные документы и упрекает Загоскина в невнимательном отношении к источникам, сопровождая свои упреки замечаниями вроде такого: «Как далек от истины проф. Загоскин в своих предвзятых, односторонних характеристиках! И как жаль, что он не потрудился исследовать и разработать богатейшие материалы архива Казанского университета, а ограничился в большинстве случаев лишь списыванием отдельных архивных бумаг или пересказом их содержания “своими словами”» [Залеский, 1905, с. 428]. С одной стороны, эти слова выдают предвзятое отношение рецензента к автору, с другой — ни в одной из других рецензий на «Историю» нет такой скрупулезной проверки работы Загоскина с источниками.

Отзыв Залеского, безусловно, является пристрастным: на шестнадцати страницах текста Залеский разбирает только недостатки «Истории» и лишь однажды вскользь упоминает, что некоторые ее главы «читаются

⁹ Казанский университет был учрежден в 1804 г. и в течение нескольких лет не работал в полную силу: отсутствовали факультеты и административные органы, занятия проходили в здании Казанской гимназии, а студентов набирали из состава ее воспитанников по решению попечителя Казанского учебного округа С.Я. Румовского (1734–1812).

с интересом». В то же время надо признать, что Залеский не позволяет себе таких резких эмоциональных выпадов, как Н.Н. Фирсов в рецензии на Булича, опубликованной в «Известиях Общества этнологии, истории и этнографии»: «...пока г. Булич рассказывает “разные истории”, б. ч. грязного содержания, он, по-видимому, в прекраснейшем расположении: и хихикает, и подмигивает, и потирает руки от удовольствия, но лишь только ударился в размышления, его сейчас же посещает самая черная меланхолия» [Н. Н. Ф., 1892, с. 353]. В этой связи следует обратить внимание на то, что и пристрастные рецензии могут отличаться друг от друга по стилю. Если создатели одних избегают «грубейшей брани» или прибегают к ней не так часто, ограничиваясь разбором чужих ошибок и неточностей, то создатели других легко пользуются аргументами *ad hominem* и не скупаются на эмоции. Это, казалось бы, тривиальное наблюдение наводит на мысль, что рецензии отличаются не только по целеполаганию, но и по формам высказываний, что, в свою очередь, может быть использовано будущими исследователями при типологизации рецензий, которая на сегодняшний день отсутствует.

Заключение

Подведем итоги. Проблема субъективности в гуманитарных рецензиях (и без того актуальная потому, что рецензенту трудно предложить читателю верифицируемый механизм оценки научного труда) осложняется тем, что в профессиональных отношениях между учеными нередко случаются конфликты, и рецензия может использоваться коллегами для сведения счетов друг с другом. Однако это не значит, что пристрастно написанная рецензия, отрицательно характеризующая чужой труд, должна быть списана нами со счетов как не заслуживающая доверия. Мои наблюдения позволили мне установить обратное.

Во-первых, если пристрастный рецензент хочет убедить читателя, что рассматриваемый им труд не является научным, то ему необходимо предложить доводы в поддержку своей точки зрения (по сути, критерии оценки научного потенциала этого труда). Мы видим, что во всех трех отрицательных рецензиях на Булича и Загоскина рецензенты не ограничиваются экспрессивной риторикой и переходами на личности; в каждом случае отчетливо просматриваются принципы, на основе которых

«сильный» текст противопоставляется «слабому». Характерными чертами первого являются: отсутствие общих бездоказательных размышлений, опора на факты из «официальных источников», предупреждение читателя о том, что нового он узнает после прочтения, и корректное обращение с источниками. Во-вторых, роль пристрастной рецензии резко возрастает, когда другие отклики на интересующий нас труд не находят в нем ни одного недостатка. Анализ рецензий Н.Н. Фирсова и Залеского показал, что тенденциозный критик всегда читает текст внимательнее остальных, обращая внимание на те слабые места, которые ускользнули от взора более благосклонных коллег. Обсуждение этих слабых мест может служить отправной точкой для оценки профессионального качества научной работы. В-третьих, сравнив отзыв Залеского с двумя другими, я прихожу к выводу, что признаком пристрастной рецензии необязательно могут быть личные нападки на автора и экспрессивная риторика, свойственная при разногласиях. Возможно, в будущем подобное наблюдение поможет нам лучше типологизировать рецензии, сгруппировав их не только по целеполаганию, но и по формам высказываний.

Таким образом, можно заключить, что пристрастные отрицательные рецензии могут способствовать развитию науки, причем куда сильнее, чем, например, рецензии реферативного и комплиментарного характера, ведь в первых, в отличие от остальных, приоритетом является поиск недостатков, обсуждение и устранение которых должно помогать академической среде профессионально совершенствоваться.

Источники

Архангельский А. С. Булич Николай Никитич // За сто лет: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804—1904): в 2 ч. / под ред. Н.П. Загоскина. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1904. Ч. 1. С. 45—47.

Бега [Рецензия] // Исторический вестник. 1905. Т. 100. Вып. 5. С. 663—667. Рец. на: *Булич Н.Н.* Из первых лет Казанского университета (1805—1819): Рассказы по архивным документам Н. Булича: в 2 ч. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1904. Ч. 2.

Булич Н.Н. [Автобиография] // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до на-

ших дней): в 6 т. / сост. и ред. С.А. Венгеров. СПб., 1889–1904. Т. 6. С. 124–132.

Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам: в 2 ч. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1887–1891. Ч. 2.

Булич Н.Н. Казанский университет в Александровскую эпоху // Известия и ученые записки Императорского Казанского университета. 1875. № 1. С. 3–48; № 2. С. 241–288; № 3. С. 439–488.

Булич Н.Н. Казанский университет в Александровскую эпоху // Известия и ученые записки Императорского Казанского университета. 1880. Янв. – февр. С. 1–112.

Булич Н.Н. Казанский университет в Александровскую эпоху // Ученые записки Императорского Казанского университета по историко-филологическому факультету. 1886. С. 1–387.

Булич Н.Н. Казанский университет в Александровскую эпоху // Ученые записки Императорского Казанского университета по историко-филологическому факультету. 1890. Кн. 1. С. 1–144; Кн. 2. С. 145–276; Кн. 3. С. 127–244; Кн. 5. С. 133–208; Кн. 6. С. 122–214.

Булич Н.Н. Казанский университет в Александровскую эпоху // Ученые записки Императорского Казанского университета по историко-филологическому факультету. 1891. Кн. 1. С. 179–276; Кн. 2. С. 141–269.

Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти // Сословие русских профессоров: создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. С. 329–357.

Вишленкова Е.А., Сальникова А.А. Юбилейные истории Казанского университета // Отечественная история. 2004. № 5. С. 133–141.

Де-Пуле М.Ф. Отец и сын: Опыт культурно-биографической хроники // Русский вестник. 1875. Т. 116. Апр. С. 494–544.

Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904: в 4 т. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1902–1906. Т. 4.

Загоскина О.Н. Воспоминания о Николае Павловиче Загоскине / изд. подг. В. А. Бажанов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002.

Залеский В.Ф. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Ч. 362. № 12. Отд. 2. С. 416–432. Рец. на: *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет

его существования, 1804–1904: в 4 т. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1902–1906. Т. 1–3.

Казанский университет в юбилейных изданиях, 1856–1980: Библиографический указатель / сост. В.И. Шишкин. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003.

Кизеветтер А.А. Из истории борьбы с просвещением // Русская мысль. 1905. Вып. 10. С. 138–160.

Морозов О.В. Несостоявшийся праздник: 100-летний юбилей Императорского Казанского университета // Российская история. 2016. Вып. 2. С. 176–187.

Н. Н. Ф. [Рецензия] // Известиях Общества этнологии, истории и этнографии. 1892. Т. 10. Вып. 3. С. 349–353. Рец. на: *Булич Н.Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам Н. Булича: в 2 ч. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1887–1891. Ч. 2.

Овсянников А.Н. Из воспоминаний старого педагога // Русская старина. 1899. Т. 99. Кн. 6. С. 671–693.

Протоколы заседаний Совета Императорского Казанского университета за 29 ноября 1897 г. // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1898. Кн. 7–8. С. 32–35.

Протоколы заседаний Совета Императорского Казанского университета за 14 апреля 1903 г. // Ученые записки Императорского Казанского университета. 1903. Кн. 9. С. 18–30.

Пытин А.Н. Старые университетские нравы // Вестник Европы. 1887. Авг. С. 729–764.

Радлов Э.Л. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Ч. 251. С. 411–412. Рец. на: *Булич Н.Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам: в 2 ч. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1887–1891. Ч. 1. X.

Сидорова М.М. Почему историю университета написал филолог? (К истории создания Н.Н. Буличем книги «Из первых лет жизни Казанского университета. 1804–1819 гг.») // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 2. С. 30–37.

Сидорова М.М. Портреты профессоров русской словесности Казанского университета XIX века в зеркале студенческих мнений // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. Кн. 2. С. 44–54.

Фирсов А.Н. Несколько слов по поводу нескольких слов в сочинении проф. Н.Н. Булича // Ученые записки Императорского Казанского университета по историко-филологическому факультету. 1890. Т. 90. Кн. 6. С. 215–219.

Фирсов А.Н. Студенческие истории в Казанском университете 1855–1863 гг. // Русская старина. 1889. Т. 61. Кн. 3. С. 557–576; Т. 62. Кн. 4. С. 83–106; Кн. 6. С. 623–640.

Чечулин Н.Д. [Рецензия] // Журнал Министерства народного просвещения. 1893. Ч. 285. С. 246–253. Рец. на: *Булич Н.Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам Н. Булича: в 2 ч. Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1887–1891. Ч. 2.

Furnham A. Book Reviews as a Selection Tool for Librarians: Comments from a Psychologist // *Collection Management*. 1986. Vol. 8 (1). P. 33–43.

Hoge J.O., West J.L. Academic Book Reviewing: Some Problems and Suggestions // *Scholarly Publishing*. 1979. Vol. 11 (1). P. 35–41.

Lindholm-Romantschuk Y. *Scholarly Book Reviewing in the Social Sciences and Humanities: The Flow of Ideas within and among Disciplines*. Westport, CT: Greenwood Press, 1998.

Riley L.E., Spreitzer E.A. Book Reviewing in the Social Sciences // *The American Sociologist*. 1970. Vol. 5 (4). P. 358–363.

Sabosik P.E. Scholarly Publishing and the Role of Choice in the Postpublication Review Process // *Book Research Quarterly*. 1988. Vol. 4 (2). P. 10–18.

Препринт WP6/2018/01
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Морозов Олег Владимирович

**«Грубейшая брань», или отрицательные рецензии на истории
Казанского университета в Российской империи**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$, Тираж 106 экз. Уч.-изд. л. 1,3.
Усл. печ. л. 1,2. Заказ № . Изд. № 2087

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»